

Анна Гумерова

Мотивы «Победной повести» И.-Г. Юнга-Штиллинга в произведениях Достоевского

Anna Gumerova

Motifs of I.H. Jung-Shtilling's "Victorious Tale" in F.M. Dostoevsky's Works

Об авторе: Анна Леонидовна Гумерова, кандидат филологических наук, ученый секретарь научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва.

E-mail: gratia4@yandex.ru

Аннотация: Статья представляет собой продолжение темы, поднятой автором в статье «Победная повесть, или торжество веры христианской» И.-Г. Юнга-Штиллинга как возможный источник «Великого инквизитора»¹, где речь шла об отсылках к Апокалипсису в «Братьях Карамазовых». Во многих произведениях Достоевского есть отсылки к Откровению Иоанна Богослова, однако в некоторых случаях анализа таких отсылок для более точного понимания мысли автора необходимо обращаться к другим источникам – таким источником, среди прочих, может являться «Победная повесть» Юнга-Штиллинга, толкование Апокалипсиса, широко известное в России с начала XIX века. Отсылки именно к этому толкованию Апокалипсиса можно найти, например, в «Подготовительных материалах» к роману Достоевского «Бесы». Так же, как и для «Победной повести» Юнга-Штиллинга, для Достоевского важна тема Церкви и христианства в истории и тема праведной страны, которая спасет мир. Эти темы появляются в «Подготовительных материалах» к «Бесам» в репликах «Князя». Кроме этого, можно сказать, что для позднего творчества Достоевского характерно обращение к истории и культуре первой трети XIX вв.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», Юнг-Штилинг, «Победная повесть», Апокалипсис.

---

¹ Гумерова А.Л. «Победная повесть, или торжество веры христианской» И.-Г. Юнга-Штиллинга как возможный источник «Великого инквизитора» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 143-160.

Для цитирования: Гумерова А.Л. Мотивы «Победной повести» И.-Г. Юнга-Штиллинга в произведениях Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 117-129.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-117-129

About the author: Anna L. Gumerova, PhD in Philology, Academic Secretary of the Centre “Dostoevsky and World Culture” at the Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow).

E-mail: gratia4@yandex.ru

Abstract: The article continues the subject raised in the article “I.H. Jung-Stilling’s ‘Victorious Tale, or The Triumph of the Christian Faith’ as a Possible Source of ‘Grand Inquisitor’” which spoke of the references to the Apocalypse in *The Brothers Karamazov*. Numerous Dostoevsky’s works have references to St. John’s Revelation, but in some cases, it is necessary to consult other sources, for a better understanding of the author’s thought – and “Victorious Tale” (the Apocalypse interpretation wide known in Russia since the beginning of the 19th century) is such a source. Allusions to this very interpretation of the Apocalypse can be found, for example, in the “Preparatory Materials” for Dostoevsky’s novel *The Demons*. Both for Jung-Stilling’s “Victorious Tale” and for Dostoevsky, the theme of Church and Christianity in the history and the motif of the holy land that will save the world are important. These themes appear in the “Preparatory Materials” for *The Demons* in the “Prince’s” words. Besides, it can be said that the references to the history and culture of the 1st third of the 19th century is typical for later Dostoevsky’s works.

Key words: Dostoevsky, *The Demons*, Jung-Stilling, “Victorious Tale”, Apocalypse.

For citation: Gumerova A.L. Motifs of I.H. Jung-Shtilling’s Victorious Tale in F.M. Dostoevsky’s Works. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 3(7), pp. 117-129.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-117-129

В этой статье я обращаюсь к теме, о которой уже писала – к теме «Победной повести» И.-Г. Юнга-Штиллинга, толкования на Апокалипсис, известного в самых разных религиозных кругах – от голицынского кружка начала XIX века, о котором пишет, например, Ю. Кондаков в главе «Религиозные взгляды князя А.Н.Голицына» монографии «Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века» [Кондаков, 2005], и до более поздних, о которых я отчасти скажу здесь – и о том, как это толкование проявляется в отсылках на Апокалипсис в произведениях Достоевского.

По моему наблюдению, приблизительно с 1870 года, то есть с начала работы над романом «Бесы» – почти все отсылки к Апокалипсису в произведениях Достоевского так или иначе соотносятся с толкованием Юнга-Штиллинга² – хотя напрямую имя Юнга-Штиллинга в произведениях не упоминается.

Тема Апокалипсиса появляется в самом романе «Бесы» несколько раз и очень для него важна. Вспомним хотя бы Кириллова, который читает Апокалипсис Федьке Каторжному. Диалог Кириллова и Верховенского об этом – наверное, один из самых страшных диалогов в романе.

- Я ему ночью Апокалипсис читал, и чай. Очень слушал; даже очень, всю ночь.
- А, черт, да вы его в христианскую веру обратите!
- Он и то христианской веры. Не беспокойтесь, зарежет [Достоевский, 1972-1990, т. 10, с. 292].

Или самый яркий, пожалуй, пример – финал романа, где книгоноша Софья Матвеевна читает уже больному Степану Трофимовичу Новый Завет.

- Софья Матвеевна развернула и стала читать.
- Где развернётся, где развернётся нечаянно, – повторил он.
- «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши»...
- Это что?? что?? Это откуда?
- Это из Апокалипсиса [Достоевский, 1972-1990, т. 10, с. 497].

Эту фразу особенно важно отметить, потому что у нее есть параллель в «Подготовительных материалах» к роману – в записях, обозначенных как «Фантастическая страница» или «к Фантастической странице», и состоящих по большей части из диалогов «князя» и Шатова, дважды появляется другая, но близкая цитата из Апокалипсиса – «Ангелу Сардийской церкви напиши» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 268, 274] (без продолжения, отдельной фразой). Вообще необходимо сразу отметить, что контекст Апокалипсиса – в толковании, близком Юнгу-Штиллингу, о чем я скажу

---

² Мотивы толкования Апокалипсиса играют очень важную роль в романе «Идиот», где Апокалипсис толкует Лебедев. Однако толкования Лебедева соотнести с «Победной повестью» не удалось.

ниже – ярче всего появляется именно в этих записях, определяемых Достоевским как «фантастическая (страница)».

Повествование Апокалипсиса начинается с обращения Христа к семи церквам (см. Откр. 1-3). Юнг-Штиллинг отождествляет эти семь Церквей с различными христианскими Церквами и конфессиями, «продолжающимися от вознесения Его до второго Его пришествия» [Юнг-Штиллинг, 1815, с. 17]. В каком-то смысле можно сказать, что его толкование на Апокалипсис представляет собой историю христианства от самого начала до времени написания «Победной повести», то есть до конца XVIII века, или до 1836 года, когда в «Победной повести» предсказывался конец света и начало тысячелетнего царства святых. Три первых Церкви, о которых говорится в Апокалипсисе, Восточные – Эфесская, Смирнская и Пергамская – перестали существовать (об этом я скажу чуть ниже). Остались и продолжают действовать в истории четыре последних – Фиатирская, Сардийская, Филадельфийская и Лаодикийская. Фиатирская и Филадельфийская, по толкованию Юнга-Штиллинга – обозначают духоносные религиозные объединения, причем Фиатирская – те, которые были в прошлом, начиная от богомилов и вальденсов, а Филадельфийская – современные Юнгу-Штиллингу, и в первую очередь гернгутерское братство, к которому он и сам принадлежал. Сардийская и Лаодикийская Церкви трактуются как государственные религии – католичество и протестантизм соответственно. И далее он предполагает, что в конце времен эти Церкви должны попарно объединиться: «Фиатира и Филадельфия под конец сливаются в одно и составляют одну Филадельфийскую церковь: равным образом Сардис и Лаодикия составят одну Лаодикийскую церковь» [Юнг-Штиллинг, 1815, с. 52].

И эти две/четыре Церкви снова появятся в толковании Юнгом-Штиллингом 11-ой главы Апокалипсиса, слов: «И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли» (Откр. 11:3-4). Два свидетеля, по «Победной повести» – Ангелы единой Филадельфийской и единой Лаодикийской Церкви. «Фиатирская, Сардийская, Филадельфийская и Лаодикийская церкви пребудут до конца, и составят две церкви: и так сими двумя свидетелями не будут ли Ангелы, или Предстоятели сих церквей? Сии две церкви суть <...> жена, в солнце облеченная <...> и невеста агнчая <...> Сия жена, сия

церковь, сей род избранный сохраняется <...> в безопасном месте в пустыне» [Юнг-Штилинг, 1815, с. 151]. Отмечу, что о жене, облеченной в солнце, упоминания в «Подготовительных материалах» также появятся, о чем я скажу чуть ниже.

В русском издании Юнга-Штиллинга 1815 года есть сноска, сделанная, вероятно, Лабзиным, переводившим эту книгу – «В книге Стефана Яворского, митрополита Рязанского, Об антихристе, сими двумя свидетелями, по сказанию Дамаскина, полагаются Илья и Энох» [Юнг-Штилинг, 1815, с. 145]. Это толкование гораздо более известно, и, видимо, поэтому переводчик и издатель счел необходимым сделать такое уточнение.

Илья и Энох – именно в таком произношении имени, не «Енох» – тоже появляются в «Подготовительных материалах», в отрывке «Речь Князя после молебна»: «Мы несем 1-й рай 1000 лет, и от нас выйдут Энох и Илия, чтоб сразиться с антихристом, т. е. духом Запада, который воплотится на Западе. Ура за будущее» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 168].

То есть «Ангелу Лаодикийской церкви напиши» – те слова, которые оказались в итоговом тексте романа «Бесы» – можно соотнести с «Ангелу Сардийской церкви напиши» в черновиках³; и соотнести в том числе и через «Победную повесть», где эти две церкви пересекаются и сливаются – причем сливаются в «жену, облеченную в солнце».

Однако эта цитата интересна в первую очередь тем, что и у Юнга-Штиллинга, и у Достоевского определенным образом сопоставляются Сардийская и Лаодикийская церковь, и таким образом можно говорить о возможной параллели. Кроме этого, в «Подготовительных материалах» к «Бесам» несколько раз повторяется один и тот же ряд образов с отсылкой на Апокалипсис, для которого толкование «Победной повести» будет явно ближе.

«Апокалипсис, царство 1000 лет, римская блудница» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 167].

«Зверь с раненой головой, 1000 лет» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 177].

«– Но вы буквально толкуете Апокалипсис?»

---

³ Интересно, кстати, что эти слова в романе сперва появляются ровно в той же форме, что и в «Подготовительных материалах», без продолжения после слова «напиши» – Степан Трофимович дает Софье Матвеевне дочитать до этого слова, а затем прерывает чтение, чтобы узнать, что это «из Апокалипсиса».

– Послушайте, сообразите сами: раненый зверь, третья часть трав погибла, блудница Востока, **жена чревата – Россия**» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 182].

«Младенца, millennium, Апокалипсис, раненый зверь» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 186]

Царство 1000 лет, millennium – очень значимая тема для толкования Юнга-Штиллинга, поскольку он придерживался идеи хилиазма. «И так мученики, и все, кои во время владычества Зверя и ложного пророка пребудут верными Господу, в будущем 1836 году (как вероятно) воскреснут и будут жить и царствовать на земли, яко существа вышнего рода: но прочие мертвецы <...> будут покоиться в обителях своих до второго воскресения» [Юнг-Штилинг, 1815, с. 289].

Наиболее яркий из этих образных рядов – тот, где возникает диалог – будет интересно разобрать подробно и сопоставить с трактовкой Юнга-Штиллинга.

«– Но вы буквально толкуете Апокалипсис?»

– Послушайте, сообразите сами: раненый зверь, третья часть трав погибла, блудница Востока, жена чревата – Россия».

Здесь упоминается тема буквального толкования Апокалипсиса как того, что непосредственно совершается в истории. Именно таким образом Юнг-Штилинг толкует Апокалипсис в «Победной повести».

«Раненый зверь» – то есть зверь с раненой головой, о котором говорится в 13-ой главе Апокалипсиса: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные <...> И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» (Откр. 13:1-4). Этот образ подробно трактуется у Юнга-Штиллинга, и его слова достаточно характерны для всей «Победной повести»: «Многие толкователи, и самый Бенгель, под Зверем из моря разумели Папезество, или Римский двор. В осторожность читателей за нужное почитаю при сем сказать, чтобы отнюдь не смешивали они с сею идеею самую религию Католицкую. Папа может быть вселенским Епископом, не было потому сим зверем: *но стремление к всеобщей Монархии,*

к верховному обладанию надо всем Христианством, или и над всем человечеством, в духовных и светских делах, одним словом: желание, вместо Бога управлять миром, есть сей дух змия и зверь из моря» [Юнг-Штилинг, 1815, с. 190-191].

Далее. «Третья часть трав погибла». Это не вполне точная отсылка к 8-ой главе Апокалипсиса. «И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить. Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» (Откр. 8:6-7). И вот что появляется в толковании Юнга-Штиллинга: «Когда, по разращению Греческой церкви, истинные поклонники Господа Иисуса были гонимы, утесняемы и мучимы, и воссылали молитвы свои к Богу, то им подан был сей знак, что молитвы их услышаны и приняты <...> И так все уже к ниспосланию суда Божия на восточных греческих Христиан был готово <...> всего вероятнее полагать начало возвещенных первую трубою судов около сего времени (запрет Феодосием язычества в начале пятого века) и сам Феодосий положил начало разрушению своей империи, разделяя ее на две, Восточную и Западную» [Юнг-Штилинг, 1815, с. 113-114].

То есть, первая труба ангела, в толковании «Победной повести» – начало падения восточной – Греческой – церкви, которое окончательно совершится позже.

«Блудница Востока» – Вавилонская блудница (см. Откр. 17:1-5), и ее Юнг-Штилинг так же трактует как Римскую церковь. «Что сия прелюбодейная жена не есть Греческая церковь, явствует из того, что судьба оной решена еще по шестой трубе; следовательно она должна быть Римская» [Юнг-Штилинг, 1815, с. 242-243]. Заметим, что и здесь сопоставляются Греческая (восточная) и Римская церковь.

«Жена чревата» – очевидно, жена, облеченная в солнце из 12-ой главы Апокалипсиса: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения <...> И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога» (Откр. 12:1-2, 5-6). Это, по толкованию Юнга-Штиллинга, «истинная церковь» – которую он, как говорилось выше, сопоставляет в том числе и с двумя свидетеля-

ми – то есть, в сущности, всеми настоящими христианами – и с невестой агнца. «Таковою родительницею долженствует быть такое христианское общество, или такая Церковь, о которой бы всякий благоразумный и Боголюбивый человек, увидя устройство и порядок ее, не усумнился искренно сказать: *если б везде так было, то на земли был бы рай*» [Юнг-Штиллинг, 1815, с. 168]. Но у Достоевского жена чревата напрямую называется Россией.

Итак, фраза из «Подготовительных материалов» при привлечении контекста «Победной повести» расшифровывается так: «Раненый зверь» – римская церковь впала в грех, «третья часть трав погибла» – восточные православные церкви погибли, «Блудница востока» – есть неистинная церковь, «жена чревата – Россия» – и истинная церковь – в России. Замечу, что для трактовки выражения «третья часть трав погибла» контекст «Победной повести» очень важен – иначе не выстраивается линия толкования⁴.

Разберем и еще одну фразу из этих почти синонимичных цитат.

«Младенца, millennium, Апокалипсис, раненый зверь» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 186].

Снова появляется «раненый зверь», снова millenium, снова Апокалипсис, но впервые возникает тема Младенца. Если соотносить это с предыдущей фразой, то можно предположить, что подразумевается младенец, родившийся от «жены чреватой». «И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Откр 12:5). Как его трактует Юнг-Штиллинг?

Богемо-Моравская братская церковь в 9 веке породила общий дух Христов, который во время пребывания Жены или Церкви в пустыне, т. е. в неизвестности, в незначущем состоянии, воспитывался и рос пред престолом Божиим, да научится править народом Божиим и всеми язычниками <...> И если сей народ должен будет учредить на земли и внешнее Божеское правление, истинную, духу Христову Сообразную, теократию, то требуется <...> правительственная му-

---

⁴ Возвращаясь к процитированной выше «Речи Князя после молебна», замечу, что здесь возникает и другое сложное соотношение «Подготовительных материалов» и «Победной повести». Если у Юнга-Штиллинга «два свидетеля» – это Истинная Церковь, все праведное христианское сообщество, и именно им предстоит сразиться со зверем, то в словах Князя, который берет более известное толкование апокалиптического образа двух свидетелей как Илии и Эноха, они выйдут «от нас», то есть из России. В сущности, это иными словами повторенный образ «жена чревата – Россия».

дрость, которая в народе Божиим <...> должна соделаться всеобщим господствующим духом, и оный-то и есть сын сей Жены <...> Впрочем, не отрицаю я, чтобы в свое время не явился и человек такой, который облечен и одушевлен будет сим духом, и яко наместник Христов, яко Князь в дому Божии, начнет сие дело.

Почему это толкование могло быть важным для Достоевского? Во-первых, появляется тема некоего праведного народа (хотя и не России). Во-вторых, возникает слово «Князь» – а именно Князю принадлежат почти все цитаты из Апокалипсиса.

В третьей главе «Дневника писателя» за август 1880 года, обращаясь к Градовскому, в разделе «Две половинки», Достоевский пишет:

Кстати, вспомните: что такое и чем таким стремилась быть древняя христианская церковь? Началась она сейчас же после Христа, всего с нескольких человек <...> Начались христианские общины – церкви, затем быстро начала созидаться новая, неслыханная дотоле национальность – всебратская, всечеловеческая, в форме общей вселенской церкви. Но она была гонима, идеал созидался под землю, а над ним, поверх земли тоже созидалось огромное здание, громадный муравейник – древняя Римская империя, тоже являвшаяся как бы идеалом и исходом нравственных стремлений всего древнего мира <...> Явился компромисс: империя приняла христианство, а церковь – римское право и государство. Малая часть церкви ушла в пустыню и стала продолжать прежнюю работу: явились опять христианские общины, потом монастыри – всё только лишь пробы, даже до наших дней. Оставшаяся же огромная часть церкви разделилась впоследствии, как известно, на две половины. В западной половине государство одолело наконец церковь совершенно. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно в государство. Явилось папство – продолжение древней Римской империи в новом воплощении. В восточной же половине государство было покорено и разрушено мечом Магомета, и остался лишь Христос, уже отделенный от государства [Достоевский, 1972-1990, т. 26, с. 169].

В сущности, этот текст представляет собой краткий пересказ истории христианства по Юнгу-Штиллингу, вплоть до «Малая часть церкви ушла в пустыню и стала продолжать прежнюю работу» –

именно это, как мы уже видели, происходит с истинной церковью по толкованию «Победной повести», пусть даже для автора это различные религиозные объединения от богумилов до гернгутеров, а для Достоевского «христианские общины, потом монастыри».

Я упомянула, что тема Апокалипсиса, которую так или иначе можно соотнести с «Победной повестью», в творчестве Достоевского появляется, насколько можно судить, довольно поздно, после романа «Идиот». Можно предположить⁵, что появление этой темы связано со знакомством Достоевского с Лесковым, Засецкой, а через нее – с лордом Редстоком, протестантским проповедником⁶. О нем Достоевский пишет в «Дневнике писателя» за 1876 год:

Говорят, в эту минуту у нас в Петербурге лорд Редсток, тот самый, который еще три года назад проповедовал у нас всю зиму и тоже создал тогда нечто вроде новой секты. <...> Секты скакунов, трясушек, конвульсьонеров, квакеров, ожидающих **миллениума** и, наконец, хлыстовщина (всемирная и древнейшая секта) – всего этого не перечтешь. Я, конечно, не в насмешку говорю об этих сектах, сопоставляя их рядом с лордом Редстоком, но кто отстал от истинной церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты. И пусть не морщатся почитатели лорда: в философской основе этих самых сект, этих трясушек и хлыстовщины, лежат иногда чрезвычайно глубокие и сильные мысли. По преданию, у Татариновой, в Михайловском замке, около двадцатых годов, вместе с нею и с гостями ее, такими, как, например, один тогдашний министр, вертелись и пророчествовали и крепостные слуги Татариновой: стало быть, была же сила мысли и порыва, если могло создаться такое «неестественное» единение верующих, <...> И Тамплиеры тоже вертелись и пророчествовали, тоже были хлыстовщиной и за это самое сожжены, а потом восхвалены и воспеты французскими мыслителями и поэтами перед первой революцией) [Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 98-99].

То есть Достоевский, говоря о лорде Редстоке, сперва обращается к голицынскому кружку («один тогдашний министр» – обер-прокурор святейшего синода князь А.Н. Голицын), а потом вспоминает

---

⁵ Выражаю благодарность В.А. Викторовичу за это предположение.

⁶ См. об этом, например, работу С.А. Ипатовой «Достоевский, Лесков и Ю.Д. Засецкая: спор о редстокизме» [Ипатова, 2001].

тамплиеров – то есть идет от того времени, когда читали и любили «Победную повесть», к тому, о котором Юнг-Штилинг писал с восторгом. И снова появляется тема «ожидания миллениума».

О том, что лорд Редсток в своих проповедях толковал Апокалипсис и что это толкование он брал из Юнга-Штиллинга – пишет Лесков: «Апокалипсис он толкует, сколько я могу судить, заимствуя нечто у Ламот Гион, а нечто у Юнга-Штиллинга» [4, с. 131]. Интересно, что в одном из воспоминаний о чтении Достоевским глав из «Братьев Карамазовых» появляется сопоставление самого Достоевского с лордом Редстоком, причем недоброжелательное. Цитирую по книге Тихомирова «С Достоевским по Невскому проспекту»: «Д.Н. Садовников записал в своем дневнике впечатление от чтения Достоевского: “Начал он вяло и скучно: речь шла о такой чертовщине в полном смысле слова, что я невольно подумал: ‘вот человек, точно лорд Редсток какой-то апокалипсис толкует’”» [Тихомиров, 2012, с. 74-75].

Однако напрямую возводить знакомство Достоевского с творчеством Юнга-Штиллинга именно к лорду Редстоку и кругу Засецкой и ни к чему иному, пожалуй, все-таки не получится, поскольку работа над романом «Бесы» начата раньше проповеди лорда Редстока в России и раньше знакомства Достоевского с Засецкой, через которую он мог бы познакомиться с толкованием Редстока. Возможно, дело может быть в общем всплеске интереса к толкованию Юнга-Штиллинга на Апокалипсис в это время.

Зато в письме к Майкову от 25 марта 1870 года – то есть незадолго до работы над романом «Бесы» или уже во время работы – Достоевский, описывая будущий роман «Житие великого грешника», говорит о тех, кто жил в сороковые и даже тридцатые годы: «Повести совершенно отдельны одна от другой, так что их можно даже пускать в продажу отдельно. Первую повесть я и назначаю Кашпиреву: тут действие еще в сороковых годах <...> Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? <...> К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский наприм<ер>, Грановский, Пушкин даже» [Достоевский, 1972-1990, т. 29₁, с. 117-118]. То есть, размышляя над романом «Бесы», он возвращается мысленно к культуре первой половины или, если думать о Пушкине, первой трети XIX века. Как мы помним, к этому же периоду, но к еще более раннему времени, относится такой важнейший внутренний текст романа «Братья Ка-

рамазовы», как «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы», действие которого происходит до 1827 года.

Вопросы связей и влияний всегда очень сложные – мы пытаемся хотя бы частично восстановить эту сплошную сеть, которая была очевидна для современников. Нельзя сказать наверняка, пока у нас нет прямых свидетельств, познакомился ли Достоевский с «Победной повестью» еще в юности или же это знакомство произошло ближе к концу 1860-х годов, уже после романа «Идиот». Но тем не менее можно предположить, что для позднего творчества Достоевского характерна своего рода актуализация истории и культуры первой трети XIX века.

Список литературы

1. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
2. Ипатова, 2001 – *Ипатова С.А.* Достоевский, Лесков и Ю.Д. Засецкая: спор о редстоклизме // Достоевский. Материалы и исследования. 2001. Т. 16. С. 409-436.
3. Кондаков, 2005 – *Кондаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 343 с.
4. Лесков, 1877 – *Лесков Н.С.* Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. 3-е изд. СПб.: Типография В. Тушнова, 1877. 386 с.
5. Тихомиров, 2012 – *Тихомиров Б.Н.* С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. СПб., б.м., 2012. 261 с. URL: https://www.fedordostoevsky.ru/pdf/tikhomirov_2012.pdf (дата обращения: 08.08.2019)
6. Юнг-Штиллинг, 1815 – *Юнг-Штиллинг И.-Г.* Победная повесть, или торжество веры христианской. Спб., изд. в Морской Типографии, 1815. 450 с.

References

1. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
2. Ipatova S.A. Dostoevskii, Leskov i Ju.D. Zasetkaia: spor o redstokizme [Dostoevskym Leskov and J.D. Zasetraja: argument about Radstockism]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and researches], 2001, vol. 16, pp. 409-436. (In Russ.)
3. Kondakov Ju.E. *Liberal'noe i konservativnoe napravleniia v religioznykh dvizheniakh v Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Liberal and conservative orientations in the religious movements in Russia in the 1st quarter of the 19th century]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2005. 343 p. (In Russ.)

4. Leskov N.S. *Lord Redstok i ego posledovateli: Ocherk sovremennogo religioznogo dvizheniia v peterburgskom obshchestve* [Lord Radstock and his followers: essay of contemporary religious movement in the Petersburg society]. 3rd ed. St. Petersburg, Tipografia V. Tushnova, 1877. 386 p. (In Russ.)

5. Tikhomirov B.N. *S Dostoevskim po Nevskomu prospektu, ili Literaturnye progulki ot Dvortsovoi ploshchadi do Nikolaevskogo vokzala* [With Dostoevsky along the Nevsky Prospect, or Literature walks from Dvortsovaya square to Nikolaevsky railway station]. St. Petersburg, s. l., 2012. 261 p. Available at: https://www.fedordostoevsky.ru/pdf/tikhomirov_2012.pdf (access date: 08.08.2019)

6. Iung-Shtilling I.-G. *Pobednaia povest', ili torzhestvo very khristianskoi* [Victorious tale, or the Triumph of the Christian faith]. St. Petersburg., s. l., 1815. 450 p. (In Russ.)